

A. С. Тимощук

ДИСКУРС ГЛОБАЛЬНОСТИ В ОПИСАНИИ СОЦИУМА

Исходя из изоморфизма природы и общества, статья рассматривает синергический характер как универсальное свойство метасистемы или мегамира как совокупности всех подсистем разного порядка. Особенностью данного этапа развития общества является его изоморфный переход в синергетическую модель. Факторами такого трансенсуса выступают массовость коллективного субъекта, информация и технологии; а импликацией — скорость, риск и глобальность интеракций.

Ключевые слова: *массовое общество, технологии, информационное общество, общество риска, глобальное общество, общество высоких скоростей.*

A. S. Timoschuk

DISCOURSE OF GLOBALITY IN THE SOCIETY DESCRIPTION

Based on the isomorphism of nature and society, the article considers the synergetic character as a universal feature of metasystem or as a combination of all sub-systems of a different orders. The peculiarity of this stage of development of a society lies in its isomorphic transition in the synergistic model. Factors of such a transensus are as follows: mass collective subject, and information technology; its implication is rate risk and the globality of interactions.

Keywords: *mass society, technology, information society, risk society, global society, rapid society, technological society, postindustrial society, good society.*

¹ Тимощук Алексей Станиславович [*Alexei. S. Timoschuk*] — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний [Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service]. E-mail: a@timos.elcom.ru.

Материал поступил в редакцию 23.04.2016; рекомендован к публикации 1.10.2016. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор философских наук Смирнов Григорий Станиславович.

Э. Лаклау, Ш. Муфф, излагающие постмодернистско-неомарксистскую парадигму, поставили под сомнение саму возможность структурно-функционального, интеракционистского способа понимания общества [1]. Гетерологи предлагают радикальную критику логики гегемонии социального как всеобщего: 1) учреждение социального как эквивалентной связи, 2) втирание случайности как общезначимого, 3) эволюционная победа гегемонии над разнообразием, 4) постулирование социального как трансцендентного, 5) артикуляция пустых тотализирующих означающих (общество, демократия, либерализм и т.п.) как конституирующих элементов, 6) репрессивная приватизация процессов коммуникации [12].

Фактически о таком же политическом принципе структурирования единой социальности говорит Б. Андерсон с его концепцией наций как искусственных воображаемых сообществ [4]. Действительно, современный горизонт понимания общества сильно детерминирован технократически-политэкономическим структурированием социальности. Полагаем, что для познания сложного многоуровневого объекта применима логика дополнительности, когда одни стороны предмета не исключают, а комплементарны к другим [8]. Рассмотрим современное общество как такой сложный, плюральный, многоярусный объект.

Массовое общество. Первая и наиважнейшая характеристика общества нового типа — количественная. Мы имеем дело с самым массовым социумом за известную нам историю. Сентенция «Бог создал деревню, а человек — город» звучит романтично, но не соответствует действительности. Социокультурный анализ говорит нам, что демография создала и деревню и город. Именно народонаселение определяет переход от аграрного общества к индустриальному (земли не хватает на всех) и от индустриального к постиндустриальному (рабочих мест на производстве не хватает при распределении за счёт глобального рынка труда; как следствие роста благосостояния населения его потребность в услугах увеличивается). Всё элитарное через массовое производство и маркетинг становится товаром широкого потребления — книги, автомобили, компьютеры, мобильные телефоны, музыкальные инструменты, экзотические фрукты, образование и т.д.

Глобальное общество. Вопросы коммуникации, экологии, производства, мобильности, финансов уже отнюдь не локальные, а межгосударственные, межблоковые и даже планетарные. В условиях многофакторности мира импро-

визация, коммуникация и интеграция становятся способом выживания локальных сообществ (crowdfunding, crowdsourcing). Экономический мондиализм привёл человечество к естественному состоянию формулирования международных стандартов в области экономики, права, банковской сфере, безопасности.

Информационное общество. «Всё знать, всё уметь» — тезис универсального человека, принятый Возрождением, французскими энциклопедистами и марксизмом как никогда воплотился в обществе глобального сетевого знания. Воистину, отныне знания не являются цеховыми. Любой пользователь потенциально может овладеть самыми разнообразными технологиями и знаниями — от устройства сада камней и ландшафтного дизайна — до изготовления взрывчатых веществ, что делает информационное общество рискогенным.

С информационной составляющей связан такой термин как «общество знаний», который используют, указывая на востребованность специалистов на рынке труда, высокую оплату квалифицированного труда в развитых обществах, ценность высшего образования.

Технологическое (пост-традиционное) общество. Вопросы «как» и «почему» относятся к принципиально разным онто-аксиологическим доменам. Если традиционное общество озадачено смыслами и генерирует такие тексты как Упанишады, Кодзики, Тора, Библия, Коран и т. д., для пост-традиционного общества на первый план выходят технические способы решения проблем [9; см. также 10]. Мануфактурное производство перешло в фазу корпоративного индустриализма, к увеличению экспертных областей знаний — тяжёлая промышленность, добыча полезных ископаемых, химия. Университеты, выросшие из теологических, юридических и медицинских факультетов, стали ориентироваться на технократическое знание — инженерия, электротехника, металлургия и т. д. Экспертократия — это власть специалистов в разных областях — медицинской, политической, ядерной, энергетической и пр.

Общество высоких скоростей. Для социальной реальности сегодня востребовано фасеточное зрение, как у насекомых, — для различения объектов в движении и на 360 градусов. Чтобы пчела увидела фильм, его нужно крутить в 10 раз быстрее, иначе он будет казаться ей застывшими кадрами. Так и сегодня, классический фотографический взгляд науки применим для относительно неподвижных объектов, к каковым не относятся право, государство и общество. За последние 20 лет в России было принято порядка 5 тысяч законов и кодексов

на федеральном уровне и более 150 тысяч законов — на региональном. Помимо этого ещё есть тысячи актов, инициатив, посланий и указов Президента.

Высокие скорости делают мир совокупностью процессов, а не явлений. А. Н. Павленко вводит понятие «рапидактор» — всевозможные технические и технологические ускорители социальных интеракций. Компьютеры (акселератор вычисления), средства транспорта (акселератор перемещения), средства связи (акселератор общения) необратимо ускоряют время в том смысле, что создают такую систему, которая без рапидактора функционировать не может [8]. Эта характеристика также порождает потенциальную социальную неустойчивость, которую мы рассмотрим далее.

Общество риска. Практически все значимые технологии и технические объекты потенциально опасны — водопровод, транспорт, электричество, ядерная энергетика, оружие массового поражения, высотные сооружения и т. д. Как следствие, группа людей может держать в страхе большое общество, пользуясь его уязвимостью (терроризм). Человечество рискует анонимно через факторы конкуренции и войны как источники глобального развития

Общество потребления. Потребительские кредиты и философия тега «предложение рождает спрос» — гениальное изобретение рейгономики. Акселерация производства приводит к переизбытку вещей и услуг в обществе. Как загрузить предприятия работой в условиях перепроизводства? Стратегия экономики роста весьма неоднородна, как наивно полагал Г. Маркузе [6]. Она преподнесла довольно много рецептов: 1) захватывать новые рынки сбыта; 2) обеспечивать высокие государственные расходы на оружие; 3) сокращать время пользования товарами длительного потребления через психологию новизны и моды; 4) урезать срок службы бытовой техники через запланированное старение; 5) уменьшать срок эксплуатации программного обеспечения, делая его несовместимым с hardware или другими программами; 6) стимулировать выпуск сопутствующих товаров, аксессуаров; 7) расширять количество функций на новых версиях продукта; 8) развивать маркетинг и рекламу; 9) подогревать демонстративный консьюмеризм бедного и низшего среднего класса; 10) инвестировать в инноватику как сферу отложенного спроса.

Вместе с тем политэкономические и технократические термины для обозначения современного состояния социума не могут быть признаны достаточными, так как фиксируют лишь некоторые стороны общественных отношений. Так, если развитые страны вынесли своё производство в Азию, то от этого их

общество можно назвать постиндустриальным настолько, насколько смерть можно признать выздоровлением. Скорее, следует назвать такое состояние общества глобальным, так как мы являемся участниками беспрецедентного эксперимента по экономической интеграции.

Термины «информационное общество», «технократическое общество» также являются гиперболизацией лишь некоторых из многочисленных факторов социальной динамики. Если пропорционально сократить человечество до деревни в 100 человек, только один житель будет иметь высшее образование, 5 человек — иметь компьютер, 7 — иметь доступ в Интернет, 1 — машину, 3 — велосипед, 15 — мобильный телефон, 1/3 не будет иметь электричества, а 25 человек будут жить на 1 доллар в день. Учитывая данные статистики, современный социум следует признать чрезвычайно неоднородным.

Неклассическое общество — ещё одно описательное приближение к феномену современного социума, до сих пор применявшееся лишь по отношению к научному познанию (В. С. Стёпин). Классические представления об обществе, общественных отношениях, общественном сознании, общественном развитии были сформированы в европейской традиции на протяжении двух тысяч лет с Р. Х. и их можно выразить в девизе: *«гуманизм, рационализм, прогрессивизм, универсализм, центризм»*.

Социокультурные обмены между Старым и Новым светом привели к отрицанию/корректировке/дополнению классической программы, которую можно выразить в следующем слогане: *«экологизм, холизм, нелинейность, локальность, многополярность»*.

Политрадиционное общество. Глобальность и неоднородность социального тела являются важными, но фоновыми характеристиками. Актуальная социальная динамика — это процесс умножения, диверсификации, конкретизации традиций. Умножение социальных континуумов (традиций) неизбежно связано с эксфолиацией смыслов, что является важнейшей особенностью современной социокультурной динамики. С этой позиции современное общество нельзя назвать посттрадиционным, оно политрадиционно. Это и является, по нашему мнению, сущностной характеристикой его состояния.

Традиция — это форма социальной конкретизации, самоограничения в энергийно-смысловом множестве. Никакое общество не может жить без культурных эстафет. Мы предлагаем традициогенную концепцию как альтернативу эссенциалистско-универсалистской парадигме развития обществ (Г. Гегель,

К. Маркс) и процессуально-ниготологической (Гераклит, Ф. Ницше, Ж. Деррида). Развитие общественных отношений в этой модели предстаёт как функционирование традиционных континуумов, которые понимаются как ценностно-смысловые, энергийные эстафеты. Ближайшим союзником традиционной концепции общественных отношений является локально-цивилизационный подход к истории (О. Шпенглер, К. Ясперс, А. Тойнби). Преимуществом традиционного подхода является снятие конфликта эссенциализма и процессуализма. Традиции несут запас устойчивости, самосохранения системы. Рождаясь из повторения, традиции являются способом ценностно-смыслового самоконституирования человека, фокусируют его идентичность во флуктуирующем мире. Энергия повторения традиционного действия транслируется по каналам ценностно-смысловой преемственности.

Адекватным средством дескрипции ценностно-смыслового самоконституирования традиционных культур в глобальном контексте мы считаем феноменологическое понятие «онтопозэсис» [3], в котором смыкаются природность традиционных культур и их субъективно-эстетическая актуализация. Динамика онтопозэсиса обслуживает потребность в индивидуации субъектов культуры. Это осуществляется путем умножения, пролиферации смыслов и особенно быстро происходит сейчас, когда бытие традиционных культур протекает в мировом контексте. Онтичность традиционной культуры поддерживается запросами самоидентичности субъектов культуры, их самоотнесением с первичной территорией смыслов своей базовой традиционной культуры.

Фр. Варела, Х. Матурано предложили термин «автопозэсис» для фиксации процессов нелинейного самоусложнения в природе [2]. Для выражения идеи творческого самообновления они вынуждены были обратиться к греческому слову ποιησις, которое означает акт творческого действия, основанного на вдохновении.

В социологии Н. Лумана автопозэсис — это динамичная целостность общественных групп, устанавливаемая в процессе коммуникации. Коммуникация создаёт автопозэтический эффект вдохновения, стимулируя непрогнозируемые социальные взаимодействия [5].

Фактор глобализации выступает буфером обмена разных автопозэтических социальных образований, плавильным тиглем микротрадиций. Автопозэсисы традиций — это подвижные коммуникативные среды. Не следует ожидать доминирования какой-либо одной традиционной культуры в будущем. Сейчас

больше шансов для проявления эмерджентных, синергетических свойств традиционных культур, которые разрывают границы своих локусов и дробятся на самоконституирующиеся формации. Локальные автопоэтические микротрадиции являются социальными ячейками, обладающими способностью к самоконституированию социальной памяти. Общественные страты, касты, корпорации представляют собой малые социальные скрепы, осуществляющие традирование микропотоков социальной памяти. Наследование ценностно-смысловых стратегий поведения происходит в малых группах.

Для поддержания устойчивости физических объектов необходима структурная «память» на уровне связей нуклон — электрон, электрон — электрон. Это жёсткая, номотетическая память. Существование социокультурных объектов обеспечивается идиографически; здесь работает гибкая, кластерная, ассоциативная социальная память. Поэтому стабильность социума возможна не через принудительную масс-медийную унификацию, а через свободную ценностно-смысловую фрагментарность. Традиция сохраняется через актуализацию малого.

Хорошее общество. Институционализм Д. Норта отличает конкретно-исторический анализ формирования общественных регуляторов [7] и выражает английскую философскую идею лучшего из возможных миров. Чтобы помыслить общество иначе, необходима не только философия, но и хорошее знание истории, чтобы штудия не превратилась в утопию.

В. Г. Федотова отмечает следующие тенденции в социальных трансформациях и идеях общественного блага: 1) соц-инжиниринг опирается на количественные инструменты, но не метафизику; 2) междисциплинарная интеграция в социальном познании; 3) ранжирование хороших обществ опирается на разнообразную квалиметрию продолжительности жизни, социальной поддержки материнства и детства, показателей рождаемости и смертности, ВВП на душу населения, качества жизни, ощущения счастья и т. п.; 4) господство анонимных регуляторов в обеспечении стабильности общества [11].

Этический дискурс «хорошего общества» крайне важен в логике категориальной дополнительности. Наше общество лучшее из возможных не только потому, что оно наше или потому, что оно есть. Лучшим его делает приверженность консервативному благу, а не бесконечному прогрессивизму изменений.

Одной из угроз прогрессивизма выступает привычка к высокому стандарту комфорта и увеличивающийся мировой долг кредиторов, который превышает

ет совокупность мировых благ. Совокупный внешний долг в мире сегодня составляет более 70 трлн. \$, т. е. порядка 10 тыс. \$ на каждого жителя земли.

Наша цивилизация последние две тысячи лет движется по пути возвышения потребностей и удорожания жизни. Если в Риме для удержания контроля над массами достаточно было хлеба и зрелищ, сегодня социальное бремя государства выросло неимоверно — пенсии, образование, здравоохранение, правосудие, разнообразные программы социальной защиты. В этом смысле термин «good society» приобретает не только российский контекст правдоискательства, но и глобальное значение справедливости в распределении благ.

Библиографический список

1. *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso Books, 1985. 197 p.
2. *Maturana H., Varela F.* Autopoiesis and Cognition: The realization of the living. Boston: Reidel, 1980. 141 p.
3. *Тымieniecka A.-T.* Phenomenology as the inspirational force of our times // Phenomenology Worldwide. Foundations — Expanding Dynamics — Life Engagements. A Guide for Research and Study. Dordrecht: Springer, 2002. P. 1—8.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
5. *Луман Н.* Социальные системы: Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
6. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Пер. с англ. М.: Refl-book, 1994. 368 с.
7. *Норт Д., Уоллис Д. Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера и др. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.
8. *Павленко А. Н.* Возможность техники. СПб.: Алетейя, 2010. 224 с.
9. *Тимощук А. С.* Принцип дополнительности в социогуманитарном познании // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. Каф. филос. МПГУ. Вып. XXXIX. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2008. С. 228—233.
10. *Тимощук А. С.* Традиционная культура: сущность и существование: Автореф. дис. ... д-ра филос. н.: 24.00.01. Нижний Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2007. 46 с.

11. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс Традиция, 2005. 544 с.
12. Шуплецов И. В. Проблема общества: гегемония и гетерогенность // Неклассическое общество: векторы развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Владимир: Владим. юрид. ин-т, 2008. С. 103—106.

References

1. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso Books, 1985. 197 p.
2. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition: The realization of the living. Boston: Reidel, 1980. 141 p.
3. Tymieniecka A.-T. Phenomenology as the inspirational force of our times // Phenomenology Worldwide. Foundations — Expanding Dynamics — Life Engagements. A Guide for Research and Study. Dordrecht: Springer, 2002. P. 1—8.
4. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva / Per. s angl. V. Nikolaeva; Vstup. st. S. Ban'kovskoi. M.: Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
5. Luhmann N. Sotsial'nye sistemy: Oчерk obshchei teorii / Per. s nem. I. D. Gazieva; pod red. N. A. Golovina. SPb.: Nauka, 2007. 648 s.
6. Marcuse H. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii Razvitogo Industrial'nogo Obshchestva / Per. s angl. M.: Refl-book, 1994. 368 s.
7. North D., Wallis D. Weingast B. Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva / Per. s angl. D. Uzlanera i dr. M.: Izd-vo In-ta Gaidara, 2011. 480 s.
8. Pavlenko A. N. Vozmozhnost' tekhniki. SPb.: Aleteiia, 2010. 224 s.
9. Timoshchuk A. S. Printsip dopolnitel'nosti v sotsiogumanitarnom poznanii // Aktual'nye problemy sotsiogumanitarnogo znaniia: Sb. nauch. tr. kafedry filosofii MPGU. Vypusk XXXIX. M.: Moskovskii ped. gos. un-t, 2008. S. 228—233.
10. Timoshchuk A. S. Traditsionnaia kul'tura: sushchnost' i sushchestvovanie: Avtoref. dis. ... d-ra filos. n.: 24.00.01. Nizhnii Novgorod: Nizhegor. gos. arkhitektur.-stroit. un-t, 2007. 46 s.
11. Fedotova V. G. Khoroshee obshchestvo. M.: Progress Traditsiia, 2005. 544 s.
12. Shupletsov I. V. Problema obshchestva: gegemoniia i geterogennost' // Neklassicheskoe obshchestvo: vektory razvitiia. Vladimir: Vladim. iurid. in-t, 2008. S. 103—106.